

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Сергей Анатольевич КОМАРОВ¹

Сергей Сергеевич ПЯТКОВ²

УДК 82.14

«ДЕМОН» Е. Л. МИЛЬКЕЕВА: ТЕКСТ И КОНТЕКСТ (К ФЕНОМЕНУ ПОЭТА «НЕ ПЕРВОГО РЯДА» В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ)

¹ доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной литературы,
Тюменский государственный университет
vitmark14@yandex.ru

² аспирант кафедры русской и зарубежной литературы,
Тюменский государственный университет
sergey-spirit72@yandex.ru

Аннотация

Изучение развития и соотношения явлений различных рядов внутри национальной литературы является одной из приоритетных задач современной филологии, требует поиска и уточнения методического инструментария, а также наработки опыта конкретных исследований, особенно на региональном материале. Сибирский поэт Е. Л. Милькеев (1815-1845), чье литературное наследие еще только начинает изучаться, в своем стихотворении «Демон» (1842) фиксирует демонический комплекс, ориентируясь на разработку этой темы в творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, однако вносит в поэтику своего текста ряд индивидуальных художественных решений. Цель настоящей статьи — посредством сочетания системно-целостного, структурно-семиотического и

Цитирование: Комаров С. А. «Демон» Е. Л. Милькеева: текст и контекст (к феномену поэта «не первого ряда» в национальной литературе) / С. А. Комаров, С. С. Пятков // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2018. Том 4. № 3. С. 119-130.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-3-119-130

культурологического подходов к анализу литературных явлений обозначить генезис элементов демонического в милькеевском тексте. Обнаруживается, что, пребывая в поисках индивидуальной образности и бессознательно ориентируясь на художественно-эстетические находки А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, Е. Л. Милькеев создает гетерогенный образ демона в своем тексте. В нем сочетается объективация демона как носителя определенного сознания (библейская традиция) и изображение его имманентности внутреннему миру другого объекта, носителя другого сознания (античная традиция). В статье впервые фиксируется корреляция процессов, происходящих в субъектно-объектной структуре стиховых и прозаических текстов русских писателей поколения М. Ю. Лермонтова — П. П. Ершова — Е. Л. Милькеева — И. А. Гончарова — А. И. Герцена — И. С. Тургенева.

Ключевые слова

Рядность национальной литературы, литература Сибири, образ демона, лирическое, эпическое, мистериальность, лирический субъект, библейская традиция, античная традиция.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-3-119-130

Введение

Необходимость изучения творчества не только крупных художников, но и писателей иных рядов была давно сформулирована учеными-литературоведами. Так, например, в классической работе «Байрон и Пушкин» (1924) В. М. Жирмунский, указывая на то, что «история литературных жанров обычно ограничивается художественными вершинами эпохи» [5, с. 226], подчеркивал, что «конкретная история литературного жанра лишь очень в малой степени улавливается исследователями при таком *хождении по вершинам*» [5, с. 226]. В 1927 г. об этом писал и Ю. Н. Тынянов, предупреждая об опасности изучения «главных» художественных явлений, вследствие которого история литературы превращается в «историю генералов» [22, с. 270]. На сегодняшний день важность и закономерность аналитического осмысления художественных текстов творцов не первого ряда не вызывает сомнений, однако нуждается в уточнении инструментария рефлексии, что обычно происходит через осмысление нового материала.

Одной из важнейших работ постсоветского периода, фундаментально рассматривающих проблему феномена художника «компилятивного» типа, стала монография М. А. Литовской [11], на методологию которой во многом ориентируются авторы данной статьи.

Для научной рефлексии того или иного периода истории литературы деятельность авторов не первого ряда отмечена важнейшим качеством. В процессе поиска собственного индивидуального слова они бессознательно заимствуют и контаминируют чужие художественно-эстетические решения, создавая из них некий гетерогенный сплав. Деконструкция этого сплава позволяет зафиксировать как репрезентативные попытки конструирования индивидуальной образности,

так и парадигмальные творческие интенции, существовавшие в определенный период развития литературы. Именно поэтому изучение творчества писателей первостепенных, как и изучение художественно-эстетических систем, в которых они существовали, должно находиться в теснейшей корреляции с анализом творчества авторов не первого ряда.

Основная часть

Одно из таких наименее исследованных явлений — поэт Е. Л. Милькеев (1815-1845), ровесник и земляк П. П. Ершова [7, 8]. Сегодня его литературное наследие собрано и опубликовано [13], задача ближайшего времени — системное осмысление аксиологии и поэтики его художественных текстов [9, 10, 20, 21].

Обратимся к стихотворению «Демон» [13, с. 73], написанному в 1842 г.:

- 1 Ты тих, спокоен, ты молчишь,
- 2 В углу задумчиво сидишь,
- 3 Чело подернуто туманом;
- 4 Но вдруг, как чудным талисманом
- 5 Внезапно пробужден от сна,
- 6 Встаешь, бежишь, тебе тесна
- 7 Глухая, темная лачуга,
- 8 В твоей груди запела вьюга,
- 9 Забилась шумная волна...

- 10 Как над огнем металла слиток
- 11 Сверкает, полон жарких сил,
- 12 Так распаял, опламенил
- 13 Тебя звучащий сердца пыл
- 14 И дум стремительных избыток...
- 15 Но кто, скажи, твой дух исторг
- 16 Из мрачных уз оцепененья?
- 17 Кто сообщил тебе восторг
- 18 И бурный трепет исступленья?

- 19 Ах, это гость чудесный твой,
- 20 Другого мира странный житель,
- 21 Дух-чародей, дух-возмутитель,
- 22 Гремящий молнией и мглой!

<1842>

Название стихотворного текста и его тематическое развитие свидетельствуют о художественной реализации демонической темы, популярной в отечественной литературе первой трети XIX в. Специалисты, в частности Т. П. Кошемчук, оценивают опыт Е. Л. Милькеева однозначно: «Демонизм в сочетании с творческим несовершенством — удел поэтов третьего ряда, поэтов-эпигонов» [12, с. 295]. Исследователь, цитируя отрывок из рассматриваемого текста и акцентируя внимание на реакции объекта после появления «гостя», говорит о том,

что «эти бурные реакции души описаны с пафосом восторга, демон безусловно поэтизирован» [12, с. 295], и далее: «Надо ли говорить, что ни в одном из ранних произведений Лермонтова нет подобной экзальтации и слепоты?» [12, с. 295].

На наш взгляд, приписываемые Е. Л. Милькееву обвинения в «экзальтации» и «слепоте» несправедливы. Полагаем, что поэтика данного стихотворного текста имеет более сложную структуру и организацию, чем указанный Т. П. Кошемчук «демонизм в сочетании с творческим несовершенством».

В первых двух частях (с первой по девятую строку и с десятой по восемнадцатую) автором конструируется антитетичная картина: темному, замкнутому пространству («глухая, темная лачуга»), где пребывает объект, «дух» которого находится в «мрачных узах оцепененья», пассивности и инертности, выраженных преимущественно эксплицитно, противопоставляется внутренняя динамика («запела вьюга», «забилась шумная волна»), имплицитное преобразование, зиждущееся на семантике света («Как под огнем металла слиток / Сверкает, полон жарких сил, / Так распаял, опламенил / Тебя звучащий сердца пыл...»), объекту сообщается «восторг» и «бурный трепет испугленья». Все это становится возможным благодаря появлению «чудесного гостя» — «духа-чародея», «духа-возмутителя». Заметим, что подобная структура текста образует своеобразный тематический перевертыш и идет вразрез с существовавшей литературной традицией, которая включала в себе элементы элегического дискурса. Так, например, в программном стихотворении А. С. Пушкина, которое называется «Демон» (1823), повествование развивается в диаметрально противоположном ключе: «злобный гений» в «часы надежд и наслаждений», «тоской внезапно осеня», стал «тайно навещать» лирического субъекта, а в поэме «Демон» М. Ю. Лермонтова (отрывки из этого произведения впервые были опубликованы в «Отечественных записках» в 1842 г.) «лучших дней воспоминанья» перед «духом изгнанья» «теснились толпой».

Важно отметить, что изображение демонического в пушкинских и лермонтовских текстах обладает рядом особенностей. Так, А. С. Пушкин фиксирует сложность и неоднозначность образа демона. В его основе, по мнению авторитетных пушкинистов, с одной стороны, находится платоновский «внутренний голос, всегда разрушающий некое намерение и никогда ни к чему не побуждающий», то есть «персональный дух, неразрывно связанный с тем или иным индивидуумом» [3, с. 131], с другой — «творческий дух, медиумически действующий в поэте, греческий даймон-гений. <...> ...Тот, кто дает богатым стихиям жизни свободное выражение» [2, с. 240] (например, в «Разговоре книгопродавца с поэтом»: «Какой-то демон обладал / Моими мыслями, досугом; / За мной повсюду он летал, / Мне звуки дивные шептал, / И тяжким, пламенным недугом / Была полна моя глава...»). С. Г. Бочаров резюмирует: «В поэзии Пушкина „демон“ присутствует как двоящееся понятие — двоящееся... в диапазоне между античностью и христианством» [2, с. 240], и если образ демона в античном восприятии находится «где-то на грани между объективированным лирическим героем и его атрибутивной психологической характеристикой, персона-

фицированным „развратителем“ и обобщенно символическим изображением „непонятных чувствований“ души» [3, с. 131], то демон как персонаж христианской мифологии наделяется традиционными коннотациями носителя зла. В данном контексте обратим внимание на стихотворение «Ангел» (1827), субстрат которого, в отличие от «Демона», — библейская образность: здесь демон («дух отрицающа, дух сомненья») отсылает читателя к имени Сатаны, которое переводится как «отрицающий») персонифицируется и объективируется, как бы исповедуясь перед ангелом, который стоит в «дверях эдема». Конститутивным элементом поэтики «Ангела» является контраст: так, «ангел *нежный* / Главой поникшею *сиял*, / А демон *мрачный* и *мятежный* / Над адской бездною летал», «дух *отрицающа*, дух *сомненья*» противопоставляется «духу *чистому*». М. Л. Нольман указывает, что в «Ангеле» транслируется «объективное сопоставление двух начал, двух мирозерцаний» [18, с. 398], что автор стремится выйти за пределы субъективизма и тем самым преодолевает романтическую замкнутость. Действительно, в пространстве текста между полярными мирами стираются границы, демон возвращается обратно к своему Дому — такая структура способствует расширению художественного измерения пушкинского текста, присваивает ему панхронный, онтологический статус и утверждает диалектическое взаимодействие добра и зла в качестве непреложного закона бытия.

Для М. Ю. Лермонтова рефлексия демонизма была актуальна в течение всего творческого пути. По словам А. А. Блока, «демон — самый могучий и загадочный из всех образов Лермонтова» [1, с. 414], именно у Лермонтова, как указывает М. Л. Нольман, «тема демона становится центральной, философской, трагически-противоречивой» [18, с. 399]. Одна из первых реализаций демонической темы у поэта в малой форме — стихотворение «Мой демон», написанное в 1829 г. (впервые опубликовано в «Отечественных записках» в 1859 г.) и далее переработанное в 1831 г. (второй вариант впервые опубликован в «Северном вестнике» в 1889 г.). Параллельно с этим создается поэма «Демон», отрывки из которой, как было указано ранее, печатаются в журнале «Отечественные записки» в 1842 г.

Существо лермонтовского демонизма, зафиксированного в тематическом инварианте «Моего демона» разных редакций, специфично. В тексте 1829 г. демон является «персонализацией стихийного разрушительного начала бытия» [14, с. 32], того, что А. С. Пушкин в автокомментарии к собственному «Демону» называл «духом отрицающим», при этом позиция лирического субъекта по отношению к нему выражена только в заглавии («*Мой* демон»). Демонстрируя монолитность и масштабность художественного пространства текста («носясь меж дымных облаков» — «меж листьев желтых, облетевших / Стоит его недвижный трон»), а значит, и всеобъемлющий характер изображаемого явления, лирический субъект «не сопротивляется злему духу, не противопоставляет ему свою волю, но лишь дифференцирует, познает в себе эту силу» [14, с. 34]. В 1831 г. поэт практически полностью перерабатывает текст, который в результате имеет более строгую организацию. В новой редакции образ демона, в отличие

от первого варианта стихотворения, обретает семантику античного гения, творческого начала. Оно воздействует на рациональную часть сознания лирического субъекта, оставаясь иррациональной и непознаваемой силой. Отсюда, вероятно, автором выдерживается синтаксическая и строфическая стройность стихотворения. Таким образом, демоническое начало в рассматриваемых текстах мыслится как одно из неотъемлемых онтологических свойств, при этом имманентное мироощущению лирического субъекта.

Вершинным звеном развития демонической темы в творчестве М. Ю. Лермонтова становится поэма «Демон», представляющая собой сложное художественное явление, до сих пор недостаточно отрефлексированное в отечественной науке о литературе. Наибольшее количество дискуссий вызывает вопрос о жанровой природе лермонтовского текста. Установлено, что литературными источниками «Демона» являются мистерии «Каин» и «Небо и земля» Дж. Байрона — отсюда некоторые ученые определяют жанр поэмы как «мистериальная трагедия» [11, с. 172]. Кроме этого, как полагают специалисты, большую роль в жанрово-стилистической структуре «Демона» играет баллада [6], которая, будучи генетически близкой трагедии, «...предрасположена к освоению отношений между духовным миром человека и трансцендентальными, метафизическими сферами» [4, с. 422]. Весьма действенны, по мнению исследователей, в лермонтовском тексте и черты романтической поэмы «с присущим (в противоположность балладе) жанру романтической поэмы пафосом некоего максимального изъяснения, торжеством риторического начала» [6, с. 172]. При этом аналитиками подчеркивается художественная плодотворность совмещения М. Ю. Лермонтовым лирической и эпической систем координат в «Демоне»: «...Поэма „Демон“ органично синтезирует лирическую выразительность изображения, патетическую приподнятость лексического наполнения, эстетическую категорию романтически возвышенного с объективностью последовательного повествования, этнографическими подробностями и бытовыми деталями» [19, с. 15].

Сложное жанровое-стилистическое своеобразие лермонтовской поэмы порождает комплексность, семантическую гетерогенность образа демона, который является средоточием всех перцепций демонического в мировых культурах. Так, Л. И. Крекнина полагает, что в «Демоне» «Лермонтов воплощает исторические стадии отношения к богоборчеству, начиная с языческих, где демон — бог данного мгновения, судьба у греков; гений у римлян; злой дух, бес у христиан» [13, с. 56]. Лирический субъект в поэме не выражен эксплицитно, демоническое начало объективируется, при этом выявляется его двойственность, неразделенность противоположных сторон в нем. На фоне разнообразных культурных пластов текста поэмы, создающих специфику образа лермонтовского демона, особенно примечательным представляется его психологизация: «...*Секрет Демона в том, что он естественно связан внутренне собственной личностью*» [6, с. 173]. Итак, в силу структурных особенностей лермонтовской поэмы образ демона в ней полисемантичен и неоднозначен: персонифицированный, он выходит за пределы античного и христианского демонизма. В нем контаминиру-

ются богоборчество, богоискательство и персональный рефлексивный дух, конгениальный тому, что поэт запечатлевает в малой форме.

Вновь обратимся к тексту Е. Л. Милькеева. Можно предположить, что рецепция образа демона сибирским поэтом базируется на соединении двух концептуальных начал, обозначенных в стихотворениях А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова: объективация демона как носителя определенного сознания (библейская традиция) с изображением его имманентности внутреннему миру другого объекта, носителя другого сознания — того, к кому лирический субъект обращается на «ты» (античная традиция).

Объективированный «дух-чародей, дух-возмутитель», «другого мира странный житель» «исторгает дух» лирического объекта «из мрачных уз оцепененья». Как следствие, герой совершает мистериальный переход из состояния сна, покоя, инертности в состояние динамики, «восторга» и «бурного трепета испуга». Примечательно, что «чудесный гость», несмотря на номинацию, вынесенную в заглавие, наделен мифологическими характеристиками архаичного и древнего существа — ветхозаветного бога («гремящий молнией и мглой»). Подобный образ, насыщенный семантикой движения, волнения, стихийности, уже был запечатлен сибирским художником в другом стихотворении — «Гроза» [17, с. 41]. Сравним: «Дух-чародей, дух-возмутитель, / Гремящий молнией и мглой!», после посещения которого в груди лирического объекта «запела вьюга», «забилась шумная волна» в «Демоне» — «К нам нисходит Саваоф / В ужасающей порфире / Молний, мрака и громов»; «О, ревите, бури, громы, / повторяйте речь Творца!» в стихотворении «Гроза». Можно заключить, что демон в тексте Е. Л. Милькеева — это Абсолютное начало, которое в процессе акта религиозного откровения продуцирует преобразующую творческую энергию в сознание субъекта-реципиента.

Заметим, что сложность, неоднозначность и нетипичность семантической наполненности образа милькеевского «духа-чародея», «духа-возмутителя» иллюстрируется его воздействием не только на эмоциональную и чувственную область сознания лирического объекта, но и на рациональную («Как под огнем металла слиток / Сверкает, полон жарких сил, / Так распаял, опламенил / Тебя звучащий сердца пыл / И дум стремительных избыток...») — таково следствие религиозно-творческого пароксизма. Помимо этого, специфика образа объясняет и отсутствие в тексте элементов элегического художественного инструментария, характерных для рефлексии демонического в малой форме других поэтов.

На наш взгляд, важнейшим качеством рассматриваемого текста является его лиро-эпическая природа. В эпическом «поле» стихотворения примечательно, во-первых, что лирический субъект, который, будучи не выраженным в тексте, приобретает семантику эпического «всевидящего» и «всезнающего» повествователя (при сохранении «самообъективации» (М. М. Бахтин), свойственной романтической литературной культуре). Во-вторых, любопытна сюжетная, образная и пространственно-временная структура «Демона» Е. Л. Милькеева, которая включает в себя ряд художественных решений, характерных для жанра поэмы-мистерии. В таких поэмах «потусторонняя сила помогает земному су-

шеству приобщиться к высшему знанию», а одним из центральных событий становится встреча двух антиномичных начал, при этом «божественное и демоническое невероятно связаны» [23, с. 112]. Кроме этого, стоит обратить внимание и на балладный локус, детализированный в первой условной строфе стихотворения («Встаешь, бежишь, тебе тесна / Глухая, темная лачуга...»). Такие эпические качества текста в совокупности с изображением внутренних преобразований лирического объекта и собственной интерпретацией образа демона, зафиксированные в малой стихотворной форме, иллюстрируют ориентацию Е. Л. Милькеева на художественные открытия, сделанные М. Ю. Лермонтовым в поэме «Демон».

Выводы

Оставаясь в пределах поэтической традиции изображения рефлексивного сознания романтического героя, отличающегося избранностью, и его встречи с потусторонним, сибирский художник совмещает лирические и эпические плоскости, создавая комплексный образ духа-Абсолюта. Это вполне вписывается в логику развития русской литературы периода 1830-1840-х гг., который отмечен интенсивными лиро-эпическими поисками [16]. Двухгеройная объектная структура милькеевского «Демона» коррелирует с типовой для опытов русских романистов поколения П. П. Ершова — Е. Л. Милькеева контрастивной соположенностью идейно-речевых зон главных персонажей (тексты И. А. Гончарова, А. И. Герцена, И. С. Тургенева), с их символично-стилевой пульсацией, что убедительно зафиксировано и описано в известной работе В. М. Марковича [16].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блок А. А. Примечания к «Избранным сочинениям» Лермонтова / А. А. Блок // Собр. соч. в 12 т. Л., 1934. Т. 11. С. 465-471.
2. Бочаров С. Г. Из истории понимания Пушкина / С. Г. Бочаров // Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 227-263.
3. Вацуру В. Э. К генезису пушкинского «Демона» / В. Э. Вацуру // Пушкинская пора. СПб.: Академический проект, 2000. С. 128-134.
4. Ермоленко С. И. Лирика Лермонтова: жанровые процессы / С. И. Ермоленко. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 1996. 420 с.
5. Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы / В. М. Жирмунский. Л.: Наука, 1978. 421 с.
6. Журавлева А. И. Лермонтов в русской литературе. Проблемы поэтики / А. И. Журавлева. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 288 с.
7. Комаров С. А. К 200-летию П. П. Ершова. Преддубилейные заметки / С. А. Комаров // Литературная учеба. 2015. Кн. 1. (январь — февраль). С. 82-104.
8. Комаров С. А. Наследие писателя и современный урок (навстречу Петру Ершову) / С. А. Комаров, О. К. Лагунова // Литература Сибири: миссия, этничность, аксиология. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2016. С. 183-188.

9. Комаров С. А. «Смертному» и «Звездочка» Е. Л. Милькеева: аксиология и поэтика текста как элемент литературного ландшафта / С. А. Комаров, С. С. Пятков // Экология языка на перекрестке наук: сборник статей 4-й Международной научной конференции: в 2 ч. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2014. Ч. 2. С. 78-84.
10. Комаров С. А. Творчество тобольского поэта Е. Л. Милькеева: лирический субъект в контексте художественного целого / С. А. Комаров, С. С. Пятков // Вестник Ишимского государственного педагогического университета им. П. П. Ершова. 2014. № 1. С. 12-16.
11. Коровин В. И. Творческий путь М. Ю. Лермонтова / В. И. Коровин. М.: Просвещение, 1973. 288 с.
12. Кошемчук Т. А. «Мой демон» в русской лирике: опыт познания внутреннего человека в поэтической антропологии классического периода / Т. А. Кошемчук // Проблемы исторической поэтики. 2008. № 8. С. 275-295.
13. Крекнина Л. И. Христианско-мифологическая традиция в русской литературе 30-40-х годов XIX века / Л. И. Крекнина. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 1997. 78 с.
14. Лаптева С. И. Таинство «безобразной красоты» лермонтовских демонов / С. И. Лаптева // Лермонтовские чтения — III: материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 2010. С. 30-40.
15. Литовская М. А. «Феникс поет перед солнцем»: Феномен Валентина Катаева / М. А. Литовская. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. 608 с.
16. Маркович В. М. И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века (30-50-е годы) / В. М. Маркович. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1982. 208 с.
17. Милькеев Е. Л. Стихотворения. Поэмы. Письма / Е. Л. Милькеев. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2010. 265 с.
18. Нольман М. Л. От «Демона» Пушкина к «Демону» Некрасова / М. Л. Нольман // К истории русского романтизма. М.: Наука, 1973. С. 386-419.
19. Ослина Е. В. Взаимодействие лиро-эпических жанров в творчестве М. Ю. Лермонтова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Ослина. М., 1985. 40 с.
20. Пятков С. С. Романтическое сознание в поэтике малой стиховой формы: опыт Е. Л. Милькеева / С. С. Пятков // От текста к контексту: Научный журнал. 2014. Ишим: Изд-во ИГПИ им. П. П. Ершова. Вып. 2. С. 147-152.
21. Пятков С. С. Стихотворные тексты П. П. Ершова и Е. Л. Милькеева: экологичность языка религиозного сознания / С. С. Пятков // Экология языка на перекрестке наук: сборник статей 5-й Международной научной конференции / под ред. д-ра филол. наук, проф. Н. Н. Белозёровой. Тюмень: Вектор Бук, 2015. С. 250-259.
22. Тынянов Ю. Н. О литературной эволюции / Ю. Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 270-281.
23. Федосеенко Н. Г. Лермонтовская романтическая поэма: своеобразие жанра / Н. Г. Федосеенко // Творчество М. Ю. Лермонтова в контексте современной культуры. СПб.: РХГА, 2014. С. 104-121.

Sergey A. KOMAROV¹
Sergey S. PYATKOV²

UDC 82.14

**“THE DEMON” BY EUGENE MILKEEV: TEXT AND CONTEXT
(TO THE PHENOMENON OF THE MINOR POETS
IN NATIONAL LITERATURE)**

¹ Dr. Sci. (Philol.), Professor,
Department of Russian and Foreign Literature,
University of Tyumen
vitmark14@yandex.ru

² Postgraduate Student,
Department of Russian and Foreign Literature,
University of Tyumen
sergey-spirit72@yandex.ru

Abstract

The research of the evolution and correlation of the phenomena of different types of authors within the national literature is one of the primary aims of contemporary philology. It requires searching for the methodological tools. A Siberian poet Eugene Milkeev (1815-1845), whose literary heritage is only beginning to be researched, in his poem “The Demon” (1842) fixes the demonic complex, focusing on the development of this theme in the poetry, adding to the poetics of his text a number of individual artistic decisions.

This article analyzes literary phenomena that denote the genesis of demonic elements in the text of Siberian poet. It is found that, while in search of individual imagery and unconsciously guided by the artistic and aesthetic findings of Pushkin and Lermontov, Milkeev creates a heterogeneous image of the demon in his text. It combines the demon’s objectification as the bearer of a certain consciousness (the biblical tradition) and its immanence to the inner world of the object, the bearer of another consciousness (ancient tradition).

This article fixes the correlation of the processes taking place in the subject-object structure of the verse and prose texts of Russian writers of the 19th century generation.

Citation: Komarov S. A., Pyatkov S. S. 2018. ““The Demon’ by Eugene Milkeev: Text and Context (To the Phenomenon of the Minor Poets in National Literature)”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 4, no 3, pp. 119-130.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-3-119-130

Keywords

Different types of literature, Siberian literature, demon image, lyrical, epic, mysterious, lyrical subject, biblical tradition, ancient tradition.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-3-119-130

REFERENCES

1. Blok A. 1934. “Primechaniya k izbrannym sochineniyam Lermontova” [Notes to Lermontov’s “The Best”]. In: Blok A. *Sobranie sochineniy v dvenadtsati tomakh*. Vol. 11. pp. 465-471. Leningrad: Izdatelstvo pisateley v Leningrade.
2. Bocharov S. 1999. “Iz istorii ponimaniya Pushkina” [From the History of Pushkin’s Understanding]. In: Bocharov S. *Syuzhety russkoy literatury*. pp. 227-263. Moscow: Yazyki russkoy kultury.
3. Vatsuro V. 2000. “K genezisu pushkinskogo ‘Demona’” [To the Genesis of Pushkin’s “The Demon”]. In: Vatsuro V. *Pushkinskaya pora*, pp. 128-134. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt.
4. Ermolenko S. 1996. *Lirika lermontova zhanrovye protsessy* [Lyric by Lermontov: Genre Processes]. Yekaterinburg: Izdatelstvo uralskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta.
5. Zhirmunskiy V. 1978. *Bayron i Pushkin. Pushkin i zapadnye literatury* [Byron and Pushkin. Pushkin and Western Literature]. Leningrad: Nauka.
6. Zhuravleva A. 2002. *Lermontov v russkoy literature. Problemy poetiki* [Lermontov in Russian Literature. Problems of Poetics]. Moscow: Progress-traditsiya.
7. Komarov S. 2015. “K 200-letiyu P. P. Ershova. Predyubileyne zametki” [To the 200th Anniversary of P. P. Ershov. Notes]. *Literaturnaya ucheba*, vol. 1 (January — February), pp. 82-104.
8. Komarov S. 2016. “Nasledie pisatelya i sovremennyy urok (navstrechu Petru Ershovu)” [The Legacy of the Writer and the Modern Lesson (Towards Peter Ershov)]. In: Komarov S, Lagunova O. *Literatura sibiri: missiya, etnichnost, aksiologiya*, pp. 183-188. Tyumen: Izdatelstvo tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta.
9. Komarov S., Pyatkov S. 2014. “‘Smertnomu’ i ‘Zvezdochka’ E. L. Milkeeva: aksiologiya i poetika teksta kak element literaturnogo landshafta” [“To Mortal” and “Asterisk” E. L. Milkeeva: Axiology and Poetics of the Text as an Element of the Literary Landscape]. *Proceedings of the 4th International Research Conference “Ekologiya yazyka na perekrestke nauk”* in 2 vols. Vol. 2, pp. 78-84. Tyumen: Izdatelstvo tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta.
10. Komarov S., Pyatkov S. 2014. “Tvorchestvo tobolskogo poeta E. L. Milkeeva: liricheskiy subekt v kontekste hudozhestvennogo tselogo” [Creativity of E. L. Milkeev: Lyrical Subject in the Context of the Artistic Whole]. *Vestnik IGPI*, pp. 12-16.
11. Korovin V. 1973. *Tvorcheskiy put M. Yu. Lermontova* [The Creative Path M. Yu. Lermontov]. Moscow: Prosveshchenie.
12. Koshemchuk T. 2008. “‘Moy Demon’ v russkoy lirike: opyt poznaniya vnutrennego cheloveka v poeticheskoy antropologii klassicheskogo perioda” [“My demon” in Russian

- Lyrics: The Experience of Knowing the Inner Man in the Poetic Anthropology of the Classical Period]. *Problemy istoricheskoy poetiki*, no 8, pp. 275-295.
13. Kreknina L. 1997. *Khristiansko-mifologicheskaya traditsiya v russkoy literature 30-40-kh godov XIX veka* [Christian-Mythological Tradition in the Russian Literature of the 30-40s of the 19th Century]. Tyumen: UTMN Publishing House.
 14. Lapteva S. 2010. "Tainstvo 'bezobraznoy krasoty' lermontovskiy demonov" [Sacrament of the "Ugly Beauty" Lermontov's Demons]. *Proceedings of the 3rd All-Russian Research Conference "Lermontovskie chteniya — III"*, pp. 30-40. Yekaterinburg: Izdatelstvo uralskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta.
 15. Litovskaya M. 1999. "Feniks poet pered solntsem": fenomen Valentina Kataeva ["Phoenix Sings before the Sun": The Phenomenon of Valentin Kataev]. Yekaterinburg: Izdatelstvo uralskogo universiteta.
 16. Markovich V. 1982. *I. S. Turgenev i russkiy realisticheskiy roman XIX veka (30 50-e gody)* [I. S. Turgenev and the Russian Realistic Novel of the 19th Century (30-50s)]. Leningrad: Izdatelstvo leningradskogo universiteta.
 17. Milkeev E. 2010. *Stihotvoreniya. Poemy. Pisma* [Rhymes. Poems. Letters]. Tobolsk: Vozrozhdenie tobolska.
 18. Nolman L. 1973. "Ot "Demona" Pushkina k "Demonu" Nekrasova" [From Pushkin's "Demon" to Nekrasov's "Demon"]. In: *K istorii russkogo romantizma*, pp. 386-419. Moscow: Nauka.
 19. Oslina E. 1985. "Vzaimodeystvie liro-epicheskikh zhanrov v tvorchestve M. Yu. Lermontova" [Synergy of Lyrical and Epic Genres in M. Yu. Lermontov's Work]. *Cand. Sci. (Philol.) diss.* Moscow.
 20. Pyatkov S. 2014. "Romanticheskoe soznanie v poetike maloy stihovoy formy: opyt E. L. Milkeeva" [Romantic Consciousness in Poetry of a Small Verse Form: The Experience of E. L. Milkeev]. In: *Ot teksta k kontekstu: nauchnyy zhurnal*, pp. 147-152. Ishim: Izdatelstvo IGPI im. P. P. Ershova.
 21. Pyatkov S. 2015. "Stihotvornyye teksty P. P. Ershova i E. L. Milkeeva: ekologichnost yazyka religioznogo soznaniya" [Poetic Texts by P. P. Ershov and E. L. Milkeev: Ecological Compatibility of the Language of Religious Consciousness]. In: Belozeroва N. (ed.). *2015. Ekologiya yazyka na perekrestke nauk*. pp. 250-259. Tyumen: Vector Book.
 22. Tynyanov Yu. 1977. "O literaturnoy evolyutsii" [About Literary Evolution]. In: Tynyanov Yu. 1977. *Poetika. Istoriya literatury*. Kino, pp. 270-281. Moscow: Nauka.
 23. Fedoseenko N. G. 2014. "Lermontovskaya romanticheskaya poema: svoeobrazie zhanra" [Lermontov's Romantic Poem: The Originality of the Genre]. In: *Tvorchestvo M. Yu. Lermontova v kontekste sovremennoy kultury*, pp. 104-121. RHGA.